

Ольга Ефимова

Спасенная тьмой

18+

Ольга Ефимова
Спасенная тьмой

«Автор»

2026

Ефимова О.

Спасенная тьмой / О. Ефимова — «Автор», 2026

Элино́р, полукровка-омега, теряет всё: отца, клан, дом. Похищенная и проданная в рабство древнему вампиру, она оказывается в логове монстра, который должен был стать её смертью. Но в его ледяных глазах она видит не просто хищника — она видит того, кто носит в себе проклятие, способное уничтожить все миры. Единственный способ спасти его — принять тьму на себя. Но эта тьма не уничтожает её. Она становится её силой. Её судьбой. Теперь они — изгнанники, Хранители равновесия. Их любовь — это и проклятие, и дар, который может либо погубить всё вокруг, либо стать началом новой вселенной. И когда наступает момент окончательного выбора, Элино́р понимает: чтобы спасти мир, она должна принять тьму полностью. Она должна стать спасённой тьмой — и превратить проклятие в вечную любовь.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Клетка	7
Глава 2. Бездна	12
Глава 3. Колдунья	17
Глава 4. Жертва	22
Глава 5. Лес теней	26
Глава 6. Суд древних	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ольга Ефимова

Спасенная тьмой

Пролог

Ночь пахла железом и сосновой смолой. Элинон стояла у открытого окна в своей башне, вглядываясь в тёмную стену леса, который обнимал замок её отца. Ей было семнадцать, но она уже знала, что такое страх. Он жил в ней с той самой ночи, когда умерла мать — омега, сгоревшая от лихорадки, которую не смогли вылечить даже лучшие знахари севера. Мать была человеком, и её слабая кровь передалась дочери, сделав Элинон полукровкой — слишком слабой для оборотней, слишком живой для людей.

— Миледи, — раздался голос служанки из-за двери, — лорд Эйнар приказал вам спуститься к ужину.

— Скажи отцу, что я не голодна, — ответила Элинон, не оборачиваясь.

Она знала, что отец снова будет говорить о замужестве. О том, что её единственное предназначение — связать свой род с более сильной стаей, чтобы северные земли не пали под натиском южных альфов. Ей было тошно от этих разговоров. Она не хотела быть пешкой в игре, которую ведут мужчины с клыками и амбициями.

Внезапно ветер переменился. Элинон вздрогнула: запах леса стал иным — резким, металлическим, с примесью горелой плоти. Она прищурилась и заметила странные огни на опушке. Не факелы — слишком бледные, мертвенно-зелёные. И тут же до её слуха донёсся низкий, вибрирующий гул, от которого у неё заныли зубы. Это был боевой клич, но не оборотничий — он был чужим, ледяным, словно сама смерть вдруг обрела голос.

— Бегите! — закричал кто-то внизу, и голос оборвался на полуслове, сменившись влажным хрипом.

Элинон рванула к двери, но та с грохотом распахнулась сама собой, и в проёме возникла фигура в чёрном плаще с капюшоном. Из-под капюшона не было видно лица, только два красных огня — глаза. Элинон отшатнулась, вжавшись спиной в каменную стену. Существо сделало шаг, и она почувствовала ледяной холод, исходящий от него, и запах запёкшейся крови, смешанный с ладаном.

— Ты та, кого мы ищем, — прошепел голос, словно шуршание сухих листьев. — Кровь полукровки с искрой древних.

Она хотела закричать, но существо оказалось быстрее — его рука, бледная и длинная, сжала её горло, и крик застрял комком страха. Оглушительный звон в ушах, и мир поплыл. Она видела, как в окно влетают другие тени, как внизу полыхает её дом. Она почувствовала, как её отца — великого альфу, который не раз побеждал в битвах, — повалили на землю, и его горло перерезали одним точным движением, словно он был обычным оленем. Кровь отца брызнула на белый снег, и этот снег вмиг стал алым.

— Нет! — прохрипела она, но голос не слушался.

— Молчи, — сказал тот, кто держал её, и его пальцы сжались сильнее. — Ты нужна лорду целой и невредимой. Пока.

Элинон потеряла сознание от нехватки воздуха, и последнее, что запомнилось — это запах горящей шерсти и плач детей, которых убивали внизу. Весь её мир, её клан, её будущее — всё сгорало в эту ночь.

Она очнулась в железной клетке, которая тряслась на колёсах. Где-то рядом ржали лошади, и слышались резкие голоса на чужом наречии. Элинон не могла пошевелиться — запястья и лодыжки были стянуты кожаными ремнями, а в рот вставлен кляп. Она была раз-

дета до нижней рубахи, и её тело покрывали синяки, но боли она почти не чувствовала — только тупое онемение.

Она лежала и смотрела в прорези клетки на бесконечную вереницу сосен, проплывающих мимо. Морозный воздух обжигал лёгкие. Она поняла, что её везут на юг — туда, где в каменных замках живут те, кто не знает жалости. Вампиры. Торговцы кровью.

Сколько дней она была в пути? Два? Пять? Она не знала. Она пила только ту воду, что давали ей через соломинку, и ела чёрствый хлеб, который размачивали в какой-то похлёбке. Иногда она слышала, как её сторожа говорили между собой: «Лорд Валентин заплатит за неё столько, сколько не платил ещё ни за одну. Говорят, он ищет особенную — с примесью человеческой и звериной крови. Для какого-то древнего ритуала». Она закрывала глаза и молилась всем богам, которых знала, чтобы это был только сон.

Но это был не сон.

В один из дней — последний — клетку поставили на каменный пол. Элинон открыла глаза и увидела, что находится в огромном зале, стены которого были облицованы чёрным мрамором, а факелы горели голубым пламенем. В центре зала стоял трон, а на нём сидел он. Альфа? Нет. Она почувствовала его раньше, чем увидела — холод, исходящий от него, был сильнее, чем от зимнего ветра. Его кожа была белоснежной, волосы — чёрными как смоль, а глаза — кроваво-красными, как у того существа, что схватило её в башне.

— Элинон, дочь Эйнара, наследница северных земель, — произнёс он тихо, но его голос разнёсся по всему залу, заставляя вибрировать воздух. — Ты не знаешь меня, но я знаю твой род. Твоя мать была последней из тех, кто мог видеть грань между мирами. Ты унаследовала её дар, даже если не знаешь об этом.

Элинон попыталась заговорить, но кляп не давал ей вымолвить ни слова. Она извивалась, пытаясь освободиться, но цепи держали крепко.

— Не бойся, — сказал он, поднимаясь с трона и медленно приближаясь к клетке. Его шаги были бесшумны, как у призрака. — Я не стану пить твою кровь сразу. Я сначала узнаю, что скрыто в тебе, а потом решу, оставить ли тебя жить.

Он остановился прямо перед клеткой, и его лицо оказалось в дюйме от её лица. Элинон чувствовала его дыхание — ледяное, без запаха. Он улыбнулся, обнажив острые клыки, и шепнул почти нежно:

— Добро пожаловать в мой дом, моя маленькая полукровка. Надеюсь, ты окажешься достойной своего предназначения.

Он щёлкнул пальцами, и клетка распахнулась. Элинон упала на колени, содрогаясь от холода и ужаса. Она подняла голову и впервые посмотрела прямо в глаза тому, кого называли Лордом Валентином — и в этот миг она почувствовала странную, необъяснимую дрожь внутри, словно её сердце на миг остановилось, а потом забилось в другом ритме. Что-то связало её с этим монстром, и это «что-то» было сильнее страха, сильнее боли, сильнее смерти.

Она не знала, что это была искра истинной пары, которая прорастёт в ней ненавистью и любовью одновременно. Она не знала, что этот вампир станет её спасением и её проклятием. Она знала только одно: обратной дороги нет.

Так начиналась история, которой суждено было изменить судьбу трёх миров.

Глава 1. Клетка

Она очнулась от холода. Не от звука, не от света — от ледяного, пронизывающего до костей холода, который заполз под кожу и свернулся там клубком, словно живая тварь. Элинор не могла пошевелиться — её тело было ватным, тяжёлым, будто каждая кость налилась свинцом. Веки не слушались, и она лежала в темноте, вслушиваясь в собственное дыхание, которое вырывалось из груди редкими, рваными выдохами.

Первое, что вернулось к ней, — запах. Сырой камень, плесень, железо, и едва уловимый, сладковатый привкус гниющей плоти. Этот запах был ей знаком — она чувствовала его в подземельях отцовского замка, куда боялась заходить даже в детстве. Но тот замок горел. Он горел, и отец мёртв, и её везут на юг, в логово монстра.

Вторая мысль была о том, что она всё ещё жива. Почему? Она слышала рассказы о вампирах — они не оставляют в живых своих жертв, особенно тех, кто из клана оборотней. Они пьют кровь до последней капли, а потом оставляют тела гнить в канавах. Но её не убили. Её привезли сюда, в эту каменную коробку, и бросили на что-то жёсткое и колючее, что впивалось в спину сквозь тонкую ткань рубахи.

Элинор заставила себя открыть глаза. Веки дрогнули, и на неё обрушился полумрак. Она лежала на полу, усыпанном сухой соломой, в маленькой камере без окон. Свет шёл только от масляного светильника, укреплённого на стене за толстой решёткой, которая заменяла дверь. Каменные стены были влажными, с тёмными потёками, и в воздухе висела тяжёлая, спёртая сырость.

Она попыталась приподняться и тут же поняла, что её руки и ноги всё ещё скованы. Верёвки сменили на тонкие железные цепи — достаточно длинные, чтобы она могла сидеть и даже встать на колени, но не настолько, чтобы дотянуться до решётки. На шее болтался тяжёлый ошейник с тусклой бронзовой застёжкой. Элинор коснулась его пальцами и почувствовала на коже мелкие царапины — должно быть, она пыталась сорвать его в беспомощности.

Голова раскалывалась. Она прижала ладони к вискам и попыталась восстановить в памяти последние мгновения. Зелёные огни на опушке. Чёрная тень у двери. Крик отца, оборвавшийся хрипом. Её собственное падение в пустоту.

— Отец, — прошептала она, и голос прозвучал сухо и безжизненно, словно принадлежал не ей.

Она прикрыла глаза, позволяя слезам навернуться, но, не давая им пролиться. Сейчас нельзя плакать. Сейчас нужно думать. Она — дочь альфы, наследница северных земель, и у неё в жилах течёт кровь воинов, пусть и разбавленная человеческой слабостью. Она не имела права сдать.

Элинор осмотрела камеру. Три шага в длину, два в ширину. Одна стенка — решётка. Справа — дощатые нары, застеленные прогнившим тюфяком, но она лежала на полу, значит, её просто бросили в угол. Слева — ведро с водой, грязной, но живительной. Она подползла к нему на четвереньках и жадно припала губами к краю. Вода была затхлой, с металлическим привкусом, но она пила, пока в груди не зашипало.

Только утолив жажду, она смогла сосредоточиться на звуках. За решёткой не было ни шагов, ни голосов — только монотонный капля воды где-то далеко в глубине подземелья, да собственное сердце, колотившееся где-то в горле. Но она чувствовала, что за ней наблюдают. Какая-то невидимая тяжесть висела в воздухе, давя на плечи, на затылок, заставляя волосы шевелиться, будто от сквозняка.

И тогда она услышала его.

Не шаги — они были бесшумны. Скорее, изменение давления воздуха, едва заметное движение тьмы в углу камеры. Элинор резко обернулась, но не увидела ничего. Только тени,

пляшущие от светильника. Но она знала — он там. Где-то рядом, за пределами её поля зрения, холодное и опасное, как зимняя сталь.

— Ты проснулась, — раздался голос, низкий и ровный, без тени эмоций. Он доносился откуда-то сверху, словно сам камень говорил с ней.

Элино́р вскочила на ноги, звеня цепями, и прижалась спиной к стене. Она вглядывалась в темноту, пытаясь разглядеть его, но видела только клочья тумана, которые сползали с потолка.

— Кто ты? — крикнула она, и голос сорвался на визг. — Покажись!

— Я здесь, — ответил он, и в этот момент светильник дрогнул, пламя вытянулось в длинную голубую нить, и в центре камеры, прямо перед ней, материализовалась фигура.

Он был высок, выше любого альфы, которого она встречала. Его плащ из чёрного бархата струился, не касаясь пола, словно был соткан из теней. Лицо его было белым, как мрамор, и таким же безжизненным, с резкими скулами и тонкими, почти женскими губами. Глаза — кроваво-красные, без белков, без зрачков, — смотрели на неё с ледяным любопытством.

— Лорд Валентин, — представился он, и в голосе промелькнула насмешка. — Ты теперь моя собственность, маленькая полукровка.

Элино́р сжала кулаки, хотя её тело била крупная дрожь. Она не могла отвести взгляда от его глаз — они гипнотизировали, затягивали в глубину, обещая либо вечность, либо мгновенную смерть.

— Убей меня, — выдохнула она. — Я не стану твоей игрушкой.

Он улыбнулся — медленно, обнажая острые клыки, которые блеснули в свете пламени.

— Убить тебя слишком легко, — сказал он. — И слишком скучно. Ты не просто пленница, Элино́р. Ты — ключ. Ключ к тому, что я ищу уже два десятилетия. Твоя кровь, смесь человеческой и звериной, с искрой древней магии, которая дремала в твоей матери. Ты даже не представляешь, что в тебе скрыто.

Она вздрогнула. Мать. Она никогда не говорила о магии, но Элино́р помнила странные сны — ночные видения, в которых она парила над землёй, слышала голоса деревьев и видела то, что было скрыто от глаз. Она считала это просто игрой воображения.

— Моя мать была простой человек, — прошептала она, чувствуя, как её уверенность тает. — У неё не было никакой магии.

— Не было? — Валентин шагнул ближе, и от его приближения воздух похолодел ещё сильнее. — Тогда почему твоя кровь пахнет не так, как у других омег? Я чувствую это за десять шагов — запах древних, которых уже нет на этой земле. Ты — наследница не только северных земель, но и утраченного дара, полузабытого ритуала. И я намерен использовать тебя, чтобы вернуть себе то, что принадлежит мне по праву.

Он наклонился к ней, и Элино́р вжалась в стену, чувствуя, как её сердце готово выпрыгнуть из груди. Он был так близко, что она видела каждую прожилку на его бледной коже, каждую тёмную жилу под глазами. От него тянуло сырым склепом и старой кровью.

— Что тебе от меня нужно? — выдавила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Валентин выпрямился, и его взгляд стал отстранённым, почти скучающим.

— Сначала я должен проверить, правда ли то, что говорят твои вены. Я возьму немного твоей крови, совсем каплю, и увижу, горят ли в ней те самые искры. Если да — ты будешь жить в моём замке как дорогая гостья, пока не придёт время ритуала. Если нет... — он пожал плечами, и этот жест был столь же изящен, сколь и безжалостен. — Если нет, я выпью тебя до дна и выброшу кости псам.

Элино́р сглотнула. В горле пересохло.

— А если я откажусь?

Валентин рассмеялся — тихо, зловеще, и этот смех отдался эхом в каменных сводах.

— Ты уже в моей власти, дитя. Твоя воля принадлежит мне. Ты можешь сопротивляться, можешь кричать, можешь молить о пощаде — это ничего не изменит. Но я даю тебе право

выбора: ты можешь принять свою участь с достоинством, и тогда я смягчу твою участь. Или ты будешь бороться, и тогда каждый день твоего плена станет адом. Что выберешь?

Она молчала. Внутри неё бушевало пламя — ярость, отчаяние, жгучая ненависть к этому существу, которое говорило с ней так, будто она была пустым местом, сосудом для его экспериментов. Но она помнила, чему учил её отец: *«Враг сильнее тебя — не показывай ему страх. Используй его самоуверенность против него. Жди момента»*.

Она медленно опустила голову, принимая покорную позу, которую ожидал увидеть любой альфа. Она даже позволила себе упасть на колени, цепями звякнув о каменный пол.

— Я согласна, — сказала она тихо, почти безжизненно. — Делай, что хочешь. Только не трогай меня сегодня. Дай мне одну ночь, чтобы прийти в себя. Завтра... завтра я отдам тебе свою кровь.

Валентин прищурился. Его красные глаза сузились, и она почувствовала, как он прошупывает её мысли — его ментальная волна коснулась её сознания, холодная и липкая, как паутина. Но она была готова: она сосредоточилась на образе мёртвого отца, на горящем замке, на своём собственном бессилии, и эта боль была настолько настоящей, что вампир, видимо, удовлетворился.

— Хорошо, — сказал он, наконец, и в его голосе промелькнуло что-то похожее на одобрение. — Одна ночь. Но помни: утром я приду за обещанным. И если ты попытаешься бежать... — он улыбнулся, — ты не успеешь даже сделать шаг. Замок живёт своей жизнью, Элинор. Он почувствует твой страх и сожрёт тебя заживо.

Он щёлкнул пальцами, и цепи на её ногах с лязгом упали на пол, оставляя только ошейник и наручники. Элинор перевела дух, но не подала виду. Она осталась стоять на коленях, не поднимая глаз.

— Спи, — сказал Валентин, и его фигура начала таять в воздухе, словно он был лишь иллюзией, порождённой её разумом. — Завтра начнётся новая жизнь.

И он исчез. Тишина вернулась в камеру, нарушаемая лишь каплями воды. Элинор ещё несколько минут не шевелилась, прислушиваясь к собственному дыханию. Только убедившись, что он действительно ушёл, она подняла голову.

Её глаза горели. В них пылала решимость, которая сильнее страха, сильнее боли, сильнее самой смерти.

— Ты сделал ошибку, монстр, — прошептала она в пустоту. — Ты оставил мне ночь.

Она осторожно поднялась на ноги, пытаясь ступить бесшумно. Наручники мешали, но она быстро приспособилась — она привыкла к движениям с детства, когда отец заставлял её заниматься боем с мечом, несмотря на её статус омеги. *«Слабая омега — мёртвая омега»*, — говорил он.

Она подошла к решётке. Прутья были толстыми, старыми, но кое-где ржавчина разъела железо. Она провела пальцем по одному из них и почувствовала, что он немного шатается. Недостаточно, чтобы выломать, но достаточно, чтобы попытаться.

Внезапно её внимание привлёк слабый звук — почти шёпот, доносившийся из-за стены. Элинор замерла, прижав ухо к холодному камню. Кто-то дышал. Неровно, прерывисто, как человек, который плакал, но старался сдерживаться.

— Кто здесь? — прошептала она в камень.

Ответа не последовало, но дыхание не прекратилось. Она поняла, что в соседней камере тоже кто-то есть. И этот кто-то, возможно, знает выход.

Элинор оглядела камеру в поисках чего-нибудь острого. Светильник на стене — в нём может быть металлический штырь. Она подошла к нему, балансируя на цыпочках, чтобы дотянуться. Наручники звенели, и она закусил губу, чтобы не издать ни звука. Схватив светильник, она выдернула его из крепления и тотчас погрузилась в полумрак. В руках остался ржавый штырь — не очень острый, но достаточно тяжёлый, чтобы оглушить.

Она вернулась к решётке и, вставив штырь в промежуток между прутьями и стеной, начала медленно, сантиметр за сантиметром, расшатывать ржавый край. Пот выступил на лбу, руки дрожали от напряжения, но она продолжала. Через несколько минут один из прутьев подался — она услышала характерный скрежет старого металла. Ещё немного, и она сможет протиснуться в узкий проём.

— Ну же, — шептала она, работая штырём как рычагом, — ну же...

С громким лязгом прут отвалился и упал на пол, подняв облако пыли. Элинон замерла, ожидая, что сбегутся стражи, но никто не пришёл. Тишина. Только то же самое дыхание из-за стены.

Она протиснулась через образовавшийся проход, оцарапав плечи и бока, и очутилась в узком коридоре. Справа и слева тянулись ряды таких же камер — все пустые, кроме одной. Она пошла на звук дыхания и вскоре оказалась у решётки, за которой в углу сидел человек — если это можно было назвать человеком. Он был худым, как скелет, с растрёпанными седыми волосами и бельмами на глазах. Он не видел её, но, видимо, услышал.

— Кто здесь? — прохрипел он. — Ещё одна жертва Валентина?

— Я могу выбраться, — быстро сказала Элинон. — Ты знаешь дорогу к выходу?

Старик усмехнулся, обнажив беззубый рот.

— Выход? Дитя, здесь нет выхода. Замок — это лабиринт, который меняет свои стены каждую ночь. Только сам Валентин знает путь наружу. Но... — он замолчал, прислушиваясь, — я слышал, что есть подземный ход, который ведёт к подножию горы. Его когда-то прорыли рабы, когда строили замок. Он завален камнями, но если у тебя есть сила...

— Сила есть, — перебила Элинон. — Где этот ход?

— Под главным залом, — прошептал старик. — Под тронем. Но туда не попасть без ключа, а ключ всегда при нём. На шее, на серебряной цепочке.

Элинон нахмурилась. Забрать ключ у вампира? Она даже не могла приблизиться к нему без дрожи. Но другого пути не было.

— Спасибо, — сказала она и уже хотела бежать дальше, но старик окликнул её.

— Постой. Ты не спросила меня, почему я здесь. Я был таким же, как ты — полукровка, омега. Валентин не пьёт мою кровь, потому что она прогоркла, но он держит меня здесь, чтобы допросить. Я знаю его тайну. Он ищет не просто кровь, он ищет способ вернуть свою душу. Двадцать лет назад он был человеком, альфой из рода... как же его называли... — старик закашлялся. — Из рода Кайана. Он продал душу тёмным силам, чтобы спастись от смерти, но проклятие обернулось против него. Теперь он вампир без сердца, и его собственная кровь обращается против него. Только истинная пара может снять проклятие.

— Истинная пара? — переспросила Элинон, почувствовав странную дрожь.

— Да, — старик поднял бельма наверх. — И я чувствую, дитя, что это ты. Ты и есть его истинная пара. Именно поэтому он не убил тебя сразу. Его тянет к тебе, как мотылька к огню. Он сам ещё не понял, но скоро поймёт. И тогда ты станешь либо его спасением, либо его гибелью.

Элинон отшатнулась, как от удара. Истинная пара? С этим монстром? Это невозможно. Она не могла поверить, что её сердце — её собственная кровь — может быть связано с убийцей её отца.

— Ты лжёшь! — выкрикнула она, и голос отразился от стен.

— Я говорю правду, — прошептал старик. — Теперь беги, пока он не проснулся. Но помни: если ты убьёшь его, ты умрёшь вместе с ним. Связь неразрывна.

Элинон сжала кулаки. Убить его? Она думала только о побеге, но теперь она знала: если она не найдёт способ разорвать эту связь, она никогда не будет свободна. Она должна добраться до выхода, найти способ уничтожить проклятие и спастись.

Она побежала по коридору, не оглядываясь, чувствуя, как сердце колотится в такт бега. Она слышала за спиной шелест — то ли крылья, то ли шёпот камней, то ли что-то живое, что просыпалось в замке. Она свернула за угол и оказалась в широком зале с колоннами, по которым стекала влага. Где-то впереди мерцал слабый свет — выход? Или ловушка?

Она сделала шаг вперёд, и пол под ней ухнул, открывая бездну. Она чудом успела схватиться за край каменной плиты, повиснув над пропастью, в которой клубилась тьма. Наручники соскользнули, и она повисла только на одной руке, чувствуя, как пальцы медленно соскальзывают.

— Помогите! — закричала она, и эхо разнесло её голос по всему замку.

И в этот момент она увидела его. Он стоял на другом конце зала, его плащ струился, даже без ветра. Его глаза горели алым, и он смотрел на неё с холодной, пугающей усмешкой.

— Ты хотела бежать? — спросил он, и его голос разнёсся под сводами, словно гром. — Я говорил тебе, что замок не отпустит тебя. Ты уже в его пасти. И он не разожмёт челюсти.

Она чувствовала, как сила покидает её пальцы. Она упадёт вниз, разобьётся, и всё будет кончено. Но его лицо вдруг изменилось — в нём появилось что-то, чего она не видела раньше. Тень беспокойства? Страх? Он сделал шаг вперёд, и его рука протянулась к ней.

— Держись! — крикнул он, и в его голосе впервые прозвучало не приказ, а просьба.

Пальцы соскользнули.

Элинор упала в темноту, и последнее, что она увидела, — его глаза, горящие алым, и слышала его крик:

— НЕТ!

Глава 2. Бездна

Тьма обрушилась на неё, как живая. Она не успела даже закричать — воздух вырвался из лёгких, а тело стремительно падало вниз, разрывая ледяной поток, который тянул её за собой, словно водопад из мрака. Элинон чувствовала, как её волосы хлещут по лицу, как наручники бьют по запястьям, оставляя кровавые следы на коже. Она попыталась ухватиться за что-нибудь — за стену, за выступ, за воздух, — но пальцы срывались с гладкого камня, и она летела всё глубже, в самую утробу замка, где, казалось, не было дна.

Сердце билось где-то в горле, и в висках стучала кровь — её собственная, горячая, живая, которая вот-вот разольётся по камням. Она закрыла глаза, готовясь к удару, который раздробит кости и оборвёт её жизнь. Смерть казалась избавлением — концом всех ужасов, всех потерь, всей этой беспросветной тьмы. Она даже улыбнулась, принимая неизбежное.

Но удар не наступил.

Что-то врезалось в неё на полпути — сильное, твёрдое, холодное, как зимний ветер. Руки обхватили её за талию, рывком остановив падение, и она почувствовала, как её прижимают к чему-то ледяному и твёрдому. Запах — железо, ладан, кладбищенская земля — ударил в ноздри, и она поняла, что её держит он.

Валентин.

Он догнал её в падении, обхватив одной рукой, а другой пытался зацепиться за стену. Его когти — длинные, острые, чёрные — вонзились в каменную кладку, высекая искры и оставляя глубокие борозды. Они замедлились, но не остановились. Он использовал своё тело как щит, прикрывая её от выступов, которые проносились мимо, и Элинон слышала его глухие стоны каждый раз, когда его спина или плечи врезались в камень.

— Держись! — прорычал он сквозь зубы, и в голосе не было прежней ледяной насмешки — только яростное напряжение.

Они врезались в воду.

Холодная, чёрная, тяжелая вода сомкнулась над ними, поглотив звуки и свет. Элинон захлебнулась, инстинктивно открыв рот, и ледяная жижа хлынула в лёгкие, обжигая их, как кислота. Она дёргалась в объятиях вампира, пытаясь вырваться, но он держал её крепко, и вдруг они рванули вверх. Валентин двигался под водой быстрее, чем любая рыба, прорезая толщу, и через мгновение их головы прорвали поверхность.

Элинон выплюнула воду, закашлялась, хватая ртом воздух, который показался ей сладким, как мёд, после той ледяной бездны. Она висела в его руках, судорожно дыша, а вокруг была тьма — только слабое свечение каких-то мхов или кристаллов на стенах освещало подземное озеро, в котором они оказались. Вода была чёрной, маслянистой, и от неё исходил запах гниющих водорослей и старого железа.

— Ты... — прохрипела она, пытаясь вырваться. — Зачем? Ты мог дать мне умереть!

Валентин не ответил. Его руки, сжимавшие её талию, дрожали, и когда она взглянула на его лицо, она увидела, что он бледен, как никогда, даже по меркам вампиров. Его глаза — обычно ярко-красные — сейчас тускло мерцали, а из уголка губ текла тонкая струйка тёмной, почти чёрной крови. Он был ранен. В падении он принял на себя все удары, защищая её, и его тело было изрезано острыми камнями, которые оставили глубокие рваные раны на его плечах и спине.

— Отпусти меня! — закричала она, отталкивая его, и он, не сопротивляясь, разжал руки. Элинон упала в воду, но дно оказалось близко — она встала, вода доходила ей до пояса. Она отошла на несколько шагов, развернулась и уставилась на вампира, который стоял по грудь в воде и смотрел на неё своими тускнеющими глазами.

— Ты спас мне жизнь? — спросила она с ненавистью и недоумением. — Ты, убийца моего отца? Ты, монстр, который держит меня в клетке? Зачем?

Валентин усмехнулся, но улыбка вышла кривой и болезненной.

— Не думай, что я сделал это из доброты, — сказал он, и голос его звучал глухо, с металлическим привкусом. — Ты — мой ключ. Если ты умрёшь, я потеряю всё, к чему шёл двадцать лет. И, кроме того... — он замолчал, и его глаза вдруг встретились с её глазами. В них промелькнуло что-то странное — не холод, не насмешка, а что-то похожее на боль. — Я не хотел твоей смерти. Не здесь. Не так.

Элинор почувствовала, как внутри неё что-то дрогнуло. Этот взгляд, этот голос... Они будили в ней нечто первобытное, нечто, что она не могла контролировать. Её сердце билось быстрее, но не от страха. Она ненавидела его. Она должна была ненавидеть его. И она ненавидела. Но рядом с ненавистью росло что-то ещё, что-то тёплое и пугающее, что она отчаянно пыталась заглушить.

Она отвернулась и побрела к берегу, выдирая ноги из вязкого дна. Он не остановил её. Она слышала, как он тяжело дышит, и поняла, что его раны серьёзны — вампиры не дышат так часто, если только не теряют много крови или не находятся на грани смерти.

Она выбралась на берег — узкую полосу гальки, омываемую чёрной водой. Вокруг выселились каменные стены, уходящие вверх до полной темноты, и только слабые светящиеся лишайники на потолке давали призрачный свет. Где-то в глубине пещеры слышался шум подземной реки, которая, возможно, вела наружу. Элинор присела на корточки, пытаясь отдышаться, и вдруг услышала, как Валентин пошатнулся и с глухим всплеском рухнул в воду.

Она обернулась. Он лежал на спине, почти полностью погружённый в чёрную воду, его глаза были закрыты, а из ран на груди и плечах сочилась тёмная кровь, окрашивая воду вокруг него в фиолетовый цвет. Он был без сознания.

Элинор замерла. Мгновение она смотрела на него, лежащего, беззащитного, уязвимого, и в её голове пронеслась мысль: *«Я могу убить его. Прямо сейчас. Он без сознания, он ранен, он не сможет сопротивляться. Я могу взять камень и раздробить ему череп, и тогда я буду свободна. Всё кончится».*

Она поднялась, оглянулась в поисках подходящего камня. Её глаза наткнулись на острый кусок сланца, который высовывался из гальки. Она подошла к нему, подняла, взвесила в руке. Достаточно тяжёлый, чтобы одним ударом проломить череп даже вампиру — если, конечно, он был достаточно ослаблен. Она повернулась, сделала шаг к воде, и вдруг её ноги приросли к земле.

Она не могла двигаться. Не потому, что её что-то держало — нет, физически она была свободна. Но внутри, в самой глубине груди, что-то сдавило её сердце, и острая боль пронзила всё тело, когда она попыталась поднять руку с камнем. Она чувствовала его боль — её собственная душа отзывалась на каждую его рану, на каждую каплю крови, стекающую в воду. Связь. Проклятая, ненавистная связь истинной пары.

— Нет, — прошептала она, роняя камень на землю. — Нет, пожалуйста, только не это.

Она упала на колени, сжимая голову руками. Эта связь была сильнее её воли. Она понимала, что если он умрёт, она тоже умрёт — не сразу, но медленно, от истощения, от боли, от потери той части себя, которая была соединена с ним. И она не могла позволить ему умереть, даже если он был её врагом. Это было хуже рабства. Это было рабством души.

Элинор подползла к воде и с трудом вытащила его тело на берег. Он был тяжёлым — не из-за веса, а из-за собственной беспомощности, которая делала его громоздким. Она перевернула его на спину, наклонилась и увидела, что его раны медленно, но верно затягиваются — вампирская регенерация работала, но очень медленно, словно он был истощён. Ей нужно было остановить кровотечение, иначе он не успеет восстановиться.

Она разорвала подол своей рубахи на полосы и начала перевязывать его раны. Её пальцы дрожали, когда она касалась его холодной кожи, и каждый раз, когда она прижимала ткань к ране. Она чувствовала его боль как свою — тупую, ноющую пульсацию, которая отдавалась в её груди. Она работала молча, стиснув зубы, ненавидя себя за то, что спасает убийцу, ненавидя его за то, что он сделал её слабой.

Когда все раны были перевязаны, она села рядом с ним и усталилась в темноту. Прошло несколько минут. Вдруг он зашевелился — его веки дрогнули, и он открыл глаза. Красный свет в них был бледным, как угасающий уголь. Он посмотрел на неё, потом на повязки, потом снова на неё.

— Ты... — прошептал он, и в голосе сквозило неверие. — Ты перевязала меня. Почему? Элино́р отвернулась, скрестив руки на груди.

— Потому что если ты умрёшь, я тоже умру, — ответила она холодно. — Старик в камере рассказал мне о связи. Я не хочу умирать из-за того, что какой-то проклятый вампир истечёт кровью.

Валентин приподнялся на локте, его глаза расширились. Он устался на неё с таким выражением, которого она никогда раньше не видела на его лице — потрясение, смешанное с чем-то, похожим на ужас.

— Связь? — переспросил он. — Какая связь? О чём ты говоришь?

— Ты не знаешь? — Элино́р резко повернулась к нему, и в её голосе зазвенела ярость. — Ты держишь меня в плену, собираешься использовать мою кровь для какого-то ритуала, а даже не знаешь, что я твоя истинная пара? Ты, видимо, ослеплён своей жаждой власти, чтобы не чувствовать того, что чувствую я! Каждый раз, когда ты рядом, меня трясёт, моё сердце бьётся быстрее, я чувствую твою боль, и это отвратительно!

Она вскочила на ноги, замахала руками, и её голос сорвался на крик.

— Я не хочу быть связанной с тобой! Я ненавижу тебя! Ты убил моего отца, ты сжёг мой дом, ты забрал мою свободу! И теперь я должна заботиться о тебе, потому что иначе умру? Это несправедливо!

Она кричала до тех пор, пока в груди не осталось воздуха, а потом рухнула на колени, заливаясь слезами, которые сдерживала так долго. Всё, что она пережила — смерть отца, гибель клана, плен, страх, унижение — вырвалось наружу вместе с этими рыданиями. Она плакала, как ребёнок, который потерял всё, что любил, и остался один в чужом, враждебном мире.

Валентин молчал. Он смотрел на неё, и его лицо было непроницаемо, но в его глазах мелькали тени эмоций, которые он не мог скрыть. Наконец он поднялся, пошатываясь, и подошёл к ней. Элино́р подняла голову, ожидая удара или грубого окрика, но он просто опустился перед ней на одно колено и произнёс тихо, почти беззвучно:

— Я не знал. Я не знал, что ты моя истинная пара. Я чувствовал странное притяжение, но списывал его на особенности твоей крови. Я не знал, что проклятие связало меня с тобой таким образом.

Элино́р посмотрела ему в глаза и увидела там то, чего не ожидала — искреннее замешательство, почти боль.

— Тогда зачем ты похитил меня? — спросила она, голос её дрожал. — Зачем убил моего отца?

Валентин вздохнул, и этот вздох был человеческим — усталым, глубоким, словно он нёс на себе груз веков.

— Я не убивал твоего отца, — сказал он. — Мои люди — да, они пришли за тобой по моему приказу, но я не приказывал убивать никого, кроме тех, кто оказывал сопротивление. Твой отец... он бросился на них с мечом, защищая тебя. Он был сильным воином, и они убили его в бою. Я не горжусь этим. Я не хочу оправдываться, но я не убивал его лично. Он пал от руки моего генерала, который превысил полномочия.

Элинор замерла. Она хотела не верить ему, хотела закричать, что он лжёт, но в его голосе не было лжи — только усталая правда. Она закрыла глаза, пытаясь переварить это. Отец мёртв, и виноват в этом вампир, но не тот, что стоит перед ней, а тот, кто выполнял его приказ. Разница была тонкой, но она существовала.

— Ты всё равно несёшь ответственность, — прошептала она.

— Знаю, — ответил он. — И я заплачу за это. Но сейчас не время для счётов. Мы в подземельях, которые старше самого замка. Здесь водятся твари, которых даже я боюсь. Нам нужно выбираться отсюда, иначе мы оба погибнем.

В этот момент из глубины пещеры донёсся звук — низкий, вибрирующий рык, от которого вода покрылась рябью. Элинор вскочила, вглядываясь в темноту, и увидела два жёлтых огонька, которые медленно приближались к ним. Глаза. Огромные, горящие, словно угли в ночи.

— Что это? — прошептала она.

Валентин встал рядом с ней, и его рука легла на её плечо, сжимая его защитным жестом.

— Древний страж, — сказал он. — Их оставили здесь первые строители замка, чтобы никто не проник в святилище снизу. Они питаются кровью и не различают своих и чужих. Я слишком слаб, чтобы сражаться с ним. Ты должна помочь мне.

— Я? — переспросила она, чувствуя, как страх сковывает её тело. — Я не умею сражаться!

— Ты — оборотень, — отрезал он. — В твоей крови есть звериная сила. Попробуй призвать её. Сосредоточься на ярости, на ненависти ко мне, на всём, что заставляет твою кровь кипеть. Выпусти её наружу.

Элинор смотрела на приближающиеся огни, чувствуя, как её сердце заходится в бешеном ритме. Ярость. Ненависть. Она закрыла глаза и вспомнила лицо отца, его последний взгляд, его кровь на снегу. Она вспомнила холод клетки, запах плесени, голос старика, сказавшего, что она — ключ. Она вспомнила всё, что у неё отняли, и в груди что-то сломалось. Боль и гнев слились в бурлящий поток, который хлынул по её венам, и она почувствовала, как её тело начинает меняться — клыки удлиняются, пальцы оканчиваются когтями, зрачки расширяются, заполняя всю радужку.

Она зарычала. Не как человек — как зверь. И в этом рыке было столько боли и силы, что даже Валентин отшатнулся.

Существо, выползшее из тьмы, оказалось огромным — нечто среднее между ящером и пауком, с множеством конечностей и челюстями, усеянными иглами. Оно двинулось на них, но Элинор, не думая, бросилась вперёд, вонзая когти в его твёрдую шкуру. Она рвала, кусала, била, чувствуя, как её звериная натура берёт верх, даруя ей силу, которую она никогда не знала.

Вместе с Валентином — даже ослабленным, но всё ещё опасным — они сражались с тварью. Он использовал свои когти и скорость, а она — ярость и первобытную мощь. Через несколько минут чудовище рухнуло у их ног, испуская предсмертный хрип, и затихло.

Элинор стояла, тяжело дыша, дрожа всем телом. Она смотрела на свои руки, всё ещё покрытые когтями, на кровь — чужую кровь — на своей коже, и внутри неё боролись два чувства: ужас от того, во что она превратилась, и странное, опьяняющее удовлетворение от победы.

Валентин подошёл к ней, его лицо было бледным, но глаза горели ярче, чем раньше.

— Ты сделала это, — сказал он с удивлением и уважением. — Ты призвала свою внутреннюю силу. Ты сильнее, чем я думал.

Элинор медленно выдохнула, позволяя звериному облику схлынуть, возвращаясь к человеческому виду. Она была истощена, но в ней теплилась искра надежды.

— Это ещё не конец, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Мы не выбрались. И я не простила тебя. Но я буду сражаться. За себя. За свою свободу. А ты... ты поможешь мне, потому что без меня ты умрёшь. Мы в одной лодке, монстр.

Валентин усмехнулся — на этот раз не насмешливо, а почти тепло.

— В одной лодке, — повторил он. — Какая ирония.

Он протянул ей руку, и она, поколебавшись, взяла её. Они двинулись вдоль подземной реки, которая, казалось, вела куда-то вверх. Вдалеке забрезжил слабый свет — не искусственный, а естественный, похожий на лунный свет, пробивающийся через расселину в скале.

Они почти дошли до выхода, когда Валентин внезапно остановился и прижал руку к груди. Его лицо исказилось от боли, и он рухнул на колени.

— Что с тобой? — крикнула Элинор, бросаясь к нему.

— Проклятие, — прохрипел он. — Оно возвращается. Я чувствую, как тьма забирает меня. Я не могу контролировать это. Если я потеряю сознание... если я превращусь в зверя... ты должна будешь убить меня. Обещай мне.

Она смотрела на него, на его судорожные движения, на его глаза, которые начали наливаться чернотой. И в этот момент она осознала, что готова на всё, чтобы спасти его — не из любви, не из жалости, а из чистого, животного инстинкта самосохранения, который связал их вместе.

— Я не убью тебя, — сказала она твёрдо. — Я найду способ снять проклятие. Мы выберемся отсюда, и тогда... тогда я решу, что делать с тобой. Но ты не умрёшь. Не сегодня.

Она обхватила его руками, встала на ноги, пытаясь удержать его, и потащила к свету. Её мышцы горели, но она не сдавалась. Она чувствовала, как его тело холодеет, как его дыхание становится поверхностным, но она продолжала идти.

Свет приближался. Она почти вытащила его наружу, когда услышала голос — тихий, змеиный, пробирающийся до костей:

— Ты думаешь, что спасёшь его? Наивная полукровка. Ты не знаешь, что ты сама — его проклятие.

Элинор обернулась и увидела фигуру в плаще, стоящую у входа в пещеру. Фигура была невысокой, но от неё веяло такой силой, что камни вокруг начали крошиться. В руках у неё был посох, увенчанный черепом, и глаза горели зелёным огнём.

— Моргана, — прошептал Валентин, и в его голосе прозвучал страх, которого она никогда не слышала. — Беги. Беги, Элинор.

Но она не побежала. Она осталась стоять, заслоня собой его тело, и смотрела в лицо новой угрозе, которая была страшнее любых тварей.

— Отойди от него, — сказала фигура. — И я, возможно, позволю тебе умереть быстро.

Элинор сжала кулаки, чувствуя, как в ней снова просыпается зверь.

— Я не отойду, — ответила она, и голос её звучал твёрже стали. — Он мой. И я не позволю тебе забрать его.

Глаза Морганы сверкнули, и она рассмеялась — долгим, зловещим смехом, от которого по стенам побежали трещины.

— Тогда ты умрёшь вместе с ним, — сказала она, поднимая посох. — Это будет прекрасный ритуал.

Свет померк.

Глава 3. Колдунья

Смех Морганы растекался по пещере, как ядовитый туман, проникая в уши, в лёгкие, в самую душу. Элинон чувствовала, как от этого звука её зубы начинают ныть, а кожа покрывается мурашками, будто тысячи ледяных игл впиваются в тело. Она стояла перед Валентином, раскинув руки в стороны, заслоняя его от колдуньи, хотя внутри всё дрожало от страха. Но она не могла отступить. Не могла позволить этой твари прикоснуться к нему, даже если он был её врагом.

Моргана сделала шаг вперёд, и светящийся мох на стенах потускнел, словно боялся её присутствия. Она была невысокой, почти карлицей, но её фигура излучала такую силу, что воздух вокруг неё искрился, и мелкие камешки на полу начинали танцевать, подчиняясь её воле. Её лицо скрывал глубокий капюшон, но из-под него пробивался зелёный свет — глаза, горящие нечеловеческим огнём, и узкие губы, искривлённые в злобейшей усмешке.

— Ты смешна, маленькая полукровка, — произнесла она, и голос её звучал как шёпот множества змей. — Ты защищаешь того, кто принёс смерть твоему роду. Ты даже не понимаешь, что он использовал тебя с самого начала. Твоя кровь, твоя судьба — всё это было предначертано, и ты всего лишь пешка в моей игре.

Элинон сжала кулаки, чувствуя, как когти снова начинают прорастать сквозь кожу. Она не знала, сможет ли победить эту ведьму, но она знала, что не отступит.

— Я не пешка, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я — наследница северных земель. И если ты думаешь, что я позволю тебе забрать его, ты ошибаешься.

Моргана рассмеялась снова, и от этого смеха капли воды на стенах превратились в пар.

— О, какая гордость! Какая глупая, ничтожная гордость! Ты не знаешь, что такое истинная сила. Ты не знаешь, что такое настоящая тьма. Я создала это проклятие задолго до твоего рождения. Я сплела его из крови и слёз, из страха и предательства. И я могу снять его — но только ценой твоей жизни. Хочешь знать правду?

Посох в её руках вспыхнул, и зелёные искры, словно живые, окружили Элинон, сплетаясь в мерцающее кольцо.

Элинон почувствовала, как её ноги прирастают к земле, как воздух сгущается вокруг неё, мешая дышать.

— Я не хочу слушать тебя! — крикнула она, пытаясь вырваться, но магия была слишком сильна.

Моргана приблизилась, и теперь Элинон видела её лицо — старое, морщинистое, с глубокими шрамами, которые пересекали щёки и лоб. Её глаза были полностью зелёными, без белков и зрачков, и в них отражалась бесконечная пустота.

— Ты умрёшь, дитя, — прошептала она. — Но сначала я выпью твою душу. Ты будешь кормить мой ритуал, и тогда я обрету бессмертие, которое так долго искала.

Она подняла посох, намереваясь нанести удар, но в этот момент Валентин, который лежал без сознания, вдруг открыл глаза. Его зрачки расширились, и он, собрав последние силы, вскочил на ноги, врезавшись плечом в Моргану. Она пошатнулась, и зелёное кольцо вокруг Элинон на миг ослабло. Элинон рванулась вперёд, разрывая магические путы, и бросилась на колдунью с яростным криком.

Её когти вонзились в плащ Морганы, но та оказалась быстрее. Она отпрыгнула назад, выставив перед собой посох, и из его вырвался луч зелёного света, ударивший Элинон в грудь. Она отлетела назад, ударилась спиной о стену и сползла на пол, чувствуя, как жгучая боль разливается по телу.

— Элинон! — закричал Валентин, и в его голосе была такая боль, какой она не слышала раньше.

Он рванулся к ней, но Моргана выбросила вперёд руку, и чёрные цепи выросли из земли, опутывая его ноги и руки. Он упал, пытаясь разорвать их, но они были слишком крепкими.

— Ты слаб, вампир, — сказала Моргана, нависая над ним. — Твоя сила иссякла, потому что ты пытался защитить эту девочку. Ты забыл, кто ты есть. Ты забыл, что ты — чудовище, и чудовища не спасают, они убивают.

Элинор медленно поднялась, прижимая руку к груди, где горел след от магического удара. Её глаза застилала красная пелена ярости. Она видела, как Валентин корчится в цепях, как Моргана заносит посох для смертельного удара. И в этот момент в ней что-то сломалось окончательно. Не связь — она уже привыкла к ней. Сломалась её последняя преграда, последний страх перед собственной силой.

Она зарычала. Не по-человечески, не как оборотень — как нечто древнее и разрушительное, что дремало в её крови всё это время. Её тело вспыхнуло серебристым светом, и она почувствовала, как сила хлынула по венам, сжигая боль и страх. Она сделала шаг вперёд, и пол под её ногами пошёл трещинами.

Моргана обернулась, и её лицо исказилось от удивления.

— Что? — прошептала она. — Этого не может быть! Древняя кровь проснулась? Но ты же полукровка!

— Я не просто полукровка, — прорычала Элинор, и голос её звучал в унисон с рыком, раздающимся отовсюду. — Я наследница того, что ты не сможешь украсть. Я — твоя смерть!

Она бросилась на колдунью, и на этот раз удар был сокрушительным. Её когти, светящиеся серебром, пронзили защитный барьер Моргану, и та с криком отшатнулась, прижимая руку к груди, откуда хлестала тёмная кровь. Элинор не остановилась. Она била снова и снова, каждый удар сопровождался вспышкой серебряного света, и Моргана отступала, теряя равновесие, её посох выпал из рук и покатился по камням.

— Ты заплатишь за это! — завопила Моргана, и её голос стал пронзительным, как вопль баньши. — Я ещё вернусь, и тогда ты умрёшь в муках! Проклятие будет жить вечно!

Она взмахнула рукой, и вокруг неё вспыхнул зелёный вихрь. Вихрь сжался, превратился в точку, и колдунья исчезла, оставив после себя, только запах серы и тлеющей плоти.

Наступила тишина. Элинор стояла на коленях, тяжело дыша, её серебряное свечение угасало, и она чувствовала, как силы покидают её. Она оглянулась на Валентина — он лежал на полу, всё ещё опутанный чёрными цепями, но его глаза были открыты, и он смотрел на неё с изумлением.

— Ты... — прошептал он. — Что ты сделала? Эта сила... она была в тебе всё это время?

Элинор подползла к нему и начала разрывать цепи. Серебряный свет на её когтях легко перерезал чёрные звенья, и они осыпались прахом.

— Я не знаю, — призналась она, чувствуя, как её голос дрожит от истощения. — Я просто... я не могла позволить ей убить тебя.

Валентин сел, потирая запястья, и посмотрел на неё. Его взгляд был тёплым, почти благодарным, но в нём мелькала и тревога.

— Она вернётся, — сказал он. — Моргана не прощает поражений. Она будет ждать момента, когда мы ослабеем. Нам нужно уходить отсюда как можно скорее.

Элинор кивнула, но, когда она попыталась встать, её ноги подкосились, и она упала бы, если бы Валентин не подхватил её. Он был слаб, но всё ещё достаточно силён, чтобы поддержать её.

— Держись, — сказал он, и в его голосе звучала необычная мягкость. — Мы справимся.

Она почувствовала его холодную руку на своей талии, и тело отозвалось дрожью — не от страха, а от странного тепла, которое разлилось внутри. Она оттолкнула его, заставляя себя быть сильной.

— Я иду сама, — сказала она резко, хотя голос предательски дрогнул.

Они двинулись вдоль подземной реки, которая постепенно превращалась в узкий ручей, а затем в тонкую струйку, стекающую по камням. Свет впереди становился всё ярче, и вскоре они увидели расселину в скале, через которую пробивался лунный свет — настоящий, живой, не искусственный.

Элинор выползла наружу и вдохнула свежий воздух, который показался ей самым сладким на свете после затхлой сырости подземелья. Она стояла на склоне горы, поросшем чахлым кустарником, и внизу, в долине, виднелся тёмный лес, окутанный туманом. Где-то далеко мерцали огни — может быть, деревня, может быть, лагерь. Она не знала, но это было лучше, чем каменный мешок.

Валентин выбрался следом, и его лицо, освещённое луной, было ещё бледнее, чем обычно. Он опёрся о скалу, тяжело дыша, и его плечи опустились.

— Мы должны найти убежище, — сказал он. — Моргана будет искать нас. Она чувствует мою кровь. Нужно уйти как можно дальше от этого места.

Элинор огляделась. Где-то внизу, среди деревьев, она заметила чёрный силуэт — заброшенная хижина, возможно, охотничья сторожка. Она указала на неё.

— Туда, — сказала она. — Хотя бы на ночь.

Она помогла ему спуститься по склону, и это было тяжело. Он почти не мог идти сам — раны, полученные в падении, и магическое истощение делали его слабым, как ребёнок. Она обхватила его за талию, и они, спотыкаясь, побрели по камням и корням, пока, наконец, не добрались до хижины.

Дверь была приоткрыта, и внутри пахло сухой травой и гнилым деревом. Элинор втокнула Валентина внутрь, закрыла за собой дверь и задвинула ржавый засов. В хижине было темно, но через щели в крыше пробивался лунный свет, позволяя разглядеть грубый стол, скамью, очаг и кучу соломы в углу — видимо, бывшее лежбище какого-то животного.

Она усадила Валентина на скамью и принялась разводить огонь в очаге. Хворост нашёлся под навесом снаружи, и вскоре пламя весело заплясало, освещая хижину тёплым жёлтым светом. Элинор села напротив Валентина, сняла с себя разорванную рубашку и начала осматривать его раны. Повязки, которые она наложила в пещере, пропитались кровью, и она осторожно сняла их, увидев, что раны начали затягиваться, но медленнее, чем следовало бы для вампира.

— Ты теряешь слишком много крови, — сказала она, нахмурившись. — Что происходит? Валентин откинул голову назад, закрывая глаза.

— Магия Морганы — это не просто рана. Это яд. Он замедляет мою регенерацию. Чтобы вылечить меня, нужна либо мощная магия, либо... — он открыл один глаз и посмотрел на неё, — либо кровь того, кто связан со мной. Твоя кровь, Элинор.

Она замерла. Она знала, что это может значить. Если она даст ему свою кровь, связь между ними станет ещё сильнее, ещё неразрывнее. И она не была уверена, что готова к этому.

— Есть другой способ? — спросила она.

— Есть, — ответил он. — Мы можем найти того, кто владеет антидотом от магии Морганы. Но это займёт время, а у нас его нет. Я чувствую, как яд поднимается к моему сердцу. Через несколько часов я либо умру, либо превращусь в безмозглого зверя, который будет убивать всё на своём пути. И тогда тебе придётся сражаться со мной. Ты готова к этому?

Элинор сжала губы. Она не была готова. Она смотрела на его бледное лицо, на его полужакрытые глаза, и видела в нём не монстра, а мужчину, который был готов умереть, чтобы спасти её от самого себя.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Бери мою кровь. Но только чуть-чуть. Я не хочу, чтобы связь стала сильнее.

Она протянула ему руку, и он, заколебавшись, взял её. Его пальцы были холодными, но прикосновение было осторожным, почти нежным. Он поднёс её запястье к губам и, прежде чем укусить, взглянул ей в глаза.

— Спасибо, — прошептал он.

Его клыки вошли в её кожу, и она вздрогнула от боли, но она была терпимой. Она чувствовала, как он пьёт, и в то же время чувствовала, как тепло разливается по её телу — странное, горячее, почти приятное. Когда он оторвался, на её запястье остались две маленькие ранки, которые начали затягиваться почти мгновенно.

Валентин выпрямился, и его глаза зажглись алым светом. Его лицо порозовело, раны на груди начали закрываться буквально на глазах, и он вздохнул полной грудью, словно впервые за долгое время.

— Ты спасла меня, — сказал он, и в его голосе звучало искреннее удивление. — Снова. Элино́р отняла руку и отвернулась, чувствуя, как её щёки начинают гореть.

— Не благодари меня. Я сделала это из эгоизма. Если ты умрёшь, я умру. Это единственная причина.

— Конечно, — ответил он, но в его голосе скользнула лёгкая насмешка, и она поняла, что он ей не верит.

Они сидели в тишине, глядя на огонь. Элино́р чувствовала, как силы возвращаются к ней, но вместе с ними возвращался и страх — страх перед тем, что ждало их впереди. Моргана не успокоится, пока не заполучит её кровь. А Валентин... она не знала, что делать с ним. Ненависть всё ещё жила в ней, но теперь к ней примешивалось что-то другое — благодарность, уважение, и, возможно, что-то большее, что она отказывалась признавать.

Она встала и подошла к столу, где валялись какие-то старые бумаги. Среди хлама она заметила свёрток пергамента, перевязанный лентой. Она развернула его и начала читать. Это было письмо, написанное на языке, который она знала — древний диалект северных кланов. Она начала читать вслух, и с каждой строчкой её лицо менялось.

«...Я, Валентин, наследник рода Кайана, клянусь, что не причиню вреда клану Северного Волка. Мои люди получили приказ только освободить пленницу, но не убивать. Если же кровь будет пролита, я искуплю вину ценой своей собственной жизни...»

Элино́р перевела дыхание. Это было письмо, адресованное её отцу. Валентин пытался заключить с ним сделку, чтобы избежать кровопролития. Но письмо не было отправлено — оно так и осталось лежать здесь, в этом месте, возможно, потерянное или украденное.

Она обернулась к нему с письмом в руке.

— Что это? — спросила она, и голос её дрожал. — Ты хотел договориться с моим отцом?

Валентин поднял голову, и его глаза встретились с её. Он не отводил взгляда.

— Да, — сказал он тихо. — Я отправил это письмо за три дня до нападения. Но мой генерал, который должен был доставить его, предал меня. Он хотел войны. Он хотел твоей смерти, потому что знал, что твоя кровь нужна мне для ритуала, и он надеялся выкрасть тебя для себя. Когда он убил твоего отца, он нарушил мой прямой приказ. Я казнил его сразу после того, как мы вернулись в замок.

Элино́р смотрела на письмо, и слёзы застилали ей глаза. Всё это время она ненавидела Валентина за то, что он сделал, но оказалось, что он пытался предотвратить это. Он не был виновен в смерти отца. Он был таким же обманутым, как и она.

— Почему ты не сказал мне сразу? — прошептала она.

— Потому что ты была полна ненависти, — ответил он. — Ты бы мне не поверила. Ты хотела видеть во мне монстра, и я дал тебе эту возможность. Мне было легче принять твою ненависть, чем твою жалость.

Она подошла к нему, держа письмо в руках, и остановилась прямо перед ним.

— Теперь я знаю правду, — сказала она. — И я не знаю, что чувствовать. Ты не убивал моего отца, но ты всё равно похитил меня. Ты хотел использовать меня для ритуала.

— Я хотел снять проклятие, — сказал он, и в его голосе зазвучала боль. — Я не знал, что ты моя истинная пара. Я думал, что твоя кровь — просто ключ к разрыву заклęcia. Если бы я знал, что связь между нами так глубока, я бы никогда не позволил себе прикоснуться к тебе.

Она опустила на колени перед ним, и их глаза встретились. Она видела в его взгляде отчаяние, надежду, страх — человеческие чувства, которые он так долго скрывал.

— Мы можем снять проклятие? — спросила она. — По-настоящему, без ритуала с моей кровью?

— Есть легенда, — сказал он, — что истинная пара может разорвать любое проклятие, если один из них добровольно пожертвует собой ради другого. Не кровью, а самой жизнью. Но я не позволю тебе сделать это.

Элино́р покачала головой.

— Это не то, что я имела в виду. Может быть, есть другой способ. Мы найдём его вместе.

В этот момент она услышала звук — далёкий, но зловецкий. Завывание ветра, смешанное с криком — нечеловеческим, леденящим душу. Её кровь застыла в жилах.

— Она идёт, — прошептала она.

Валентин вскочил, его лицо исказилось.

— Мы не можем здесь оставаться. Она приведёт с собой своих тварей. Нам нужно бежать.

Он схватил её за руку, и они выбежали из хижины в ночной лес. Луна скрылась за тучами, и вокруг стало темно, хоть глаз выколи. Они бежали, пробираясь сквозь кусты и валежник, и слышали позади хруст веток — кто-то или что-то преследовало их.

Внезапно перед ними выросла фигура — высокая, костлявая, с длинными руками, оканчивающимися когтями. Это был не человек. Это был призрак, порождённый магией Морганы.

Валентин толкнул Элино́р в сторону, и призрак пронёсся мимо, едва не задев её. Он встал между ней и монстром, выставив вперёд руки, и из его ладоней вырвался поток тёмной энергии, ударивший в призрака. Тот завыл и рассеялся, но на его месте появились ещё три.

— Беги! — крикнул он. — Я задержу их!

— Нет! — закричала она. — Я не оставлю тебя!

Она бросилась к нему, и в этот момент один из призраков вцепился в её плечо, раздирая кожу. Она закричала от боли, но Валентин развернулся, отшвырнул призрака и прижал её к себе.

— Держись! — прорычал он, и они вместе побежали, уворачиваясь от преследователей.

Они выбежали на поляну, и вдруг земля ушла у них из-под ног. Они падали вниз, в глубокую яму, вырытую кем-то или чем-то. Элино́р ударилась о землю, и Валентин упал рядом, потеряв сознание.

Она лежала, чувствуя, как темнота смыкается над ней, и слышала голос Морганы, эхом разносящийся над ямой:

— Я поймала вас, мои дорогие. Теперь вы никуда не уйдете.

Элино́р попыталась встать, но её тело не слушалось. Она видела, как над ямой склонилась тёмная фигура, и глаза Морганы горели зелёным триумфом.

— Ты будешь моей, — прошептала колдунья. — И никто не спасёт тебя теперь.

Элино́р протянула руку к Валентину, чувствуя, как последние силы покидают её, и прошептала:

— Я не сдамся. Я никогда не сдамся...

Но слова застряли в горле, и она провалилась в беспомыслие, оставляя свою судьбу в руках той, чья тьма была древнее самого мира.

Глава 4. Жертва

Сознание возвращалось к ней медленно, словно она всплывала со дна чёрного океана, пробиваясь сквозь толщу ледяной воды. Первое, что почувствовала Элино́р, была боль — тупая, ноющая, разлитая по всему телу, от кончиков пальцев до корней волос. Она лежала на чём-то твёрдом и холодном, и каждый вдох отдавался режью в рёбрах, будто её грудь сдавили железным обручем. Веки казались налитыми свинцом, но она заставила себя открыть глаза.

Полумрак. Она находилась в просторном помещении с высокими каменными сводами, стены которых были покрыты древними рунами, пульсирующими тусклым зелёным светом. В воздухе витал запах ладана, старой крови и чего-то сладковато-гнилостного, отчего к горлу подступала тошнота. Она лежала на алтаре — плоском каменном блоке, испещрённом бороздами, которые явно служили для стока крови. Её запястья и лодыжки были прикованы к каменным кольцам серебряными цепями, холодными и тяжёлыми, и каждое движение причиняло боль.

Она повернула голову, и сердце её забилось быстрее, когда она увидела Валентина. Он висел на противоположной стене, распятый на массивных железных крюках, продетых сквозь его плечи. Его голова безвольно свисала на грудь, и с его ран всё ещё сочилась тёмная кровь, капая на пол с монотонным стуком. Он был без сознания, его лицо было бледным до синевы, и даже на расстоянии Элино́р чувствовала его боль — тупую, пульсирующую агонию, которая отдавалась в её собственной груди.

— Очнулась, наконец, — раздался голос, от которого кровь застыла в жилах.

Элино́р повернула голову в сторону звука и увидела Моргана, сидящую на троне из костей в углу зала. Колдунья выглядела торжествующей, и её зелёные глаза горели неутолимым голодом. Она держала в руках кинжал с изогнутым лезвием, и на его поверхности мерцали те же руны, что и на стенах.

— Ты думала, что сможешь убежать от меня? — продолжила Моргана, поднимаясь с трона и медленно приближаясь к алтарю. Её шаги были бесшумными, но каждый из них отдавался в голове Элино́р глухим эхом. — Я ждала этого момента двадцать лет. Двадцать лет я плела паутину, чтобы собрать всех нужных мне участников ритуала. И вот ты здесь, моя маленькая полукровка. Ты даже не представляешь, какое сокровище таится в твоих жилах.

Элино́р дёрнулась, пытаясь разорвать цепи, но они держали крепко. Серебро обжигало кожу, оставляя красные следы, и она зашипела от боли.

— Отпусти меня! — крикнула она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем она чувствовала себя. — Ты не получишь мою кровь!

Моргана рассмеялась — тот же зловещий, многоголосый смех, от которого по стенам побежали трещины.

— О, я уже получила её, дитя, — сказала она, поднося кинжал к своей руке. — Пока ты была без сознания, я взяла немного, совсем каплю. Этого достаточно, чтобы начать ритуал. Но мне нужно больше. Мне нужна вся твоя сущность, от первого до последнего вздоха. И я получу её, когда ты добровольно отдашь её мне.

— Никогда, — прошипела Элино́р, сжимая кулаки, насколько позволяли цепи.

— О, ты отдашь, — улыбнулась Моргана, наклоняясь к ней так близко, что её дыхание коснулось лица Элино́р — холодное, пахнущее тлением. — Потому что если ты не сделаешь этого, я убью его. Медленно. Каждый раз, когда ты будешь отказываться, я буду отрезать от него по кусочку. И ты будешь чувствовать каждую секунду его боли через вашу связь. Ты не выдержишь, моя дорогая. Ни одна нежная душа не выдерживает такого.

Элино́р посмотрела на Валентина. Он по-прежнему висел без движения, но в его теле ещё теплилась жизнь — она чувствовала это через пульсирующую нить, которая связывала их.

Она чувствовала его слабость, его боль, его отчаянное желание защитить её, даже сейчас, даже в беспамятстве. Она ненавидела себя за то, что не могла позволить ему умереть.

— Что ты хочешь? — спросила она, и голос её был тихим, сломленным. — Объясни мне свой ритуал. Что ты собираешься сделать?

Моргана выпрямилась, и в её глазах мелькнуло удовлетворение.

— Я расскажу тебе, — сказала она, обходя алтарь по кругу. — Давным-давно, когда мир был ещё молод, жил народ, который владел древней магией крови. Они могли исцелять, убивать, создавать и разрушать одним лишь желанием. Их сила передавалась через кровь, и последняя из этого рода была твоя мать. Она была человеком, но в ней текла эта древняя искра. Когда она родила тебя, она передала тебе эту искру, смешав её со звериной силой оборотней. Ты — уникальный сосуд, Элинон. В тебе сочетается то, что никогда не должно было сочетаться.

Моргана остановилась и пристально посмотрела на неё.

— Ритуал, который я хочу провести, перенесёт эту силу из твоей крови в мою. Я стану бессмертной, неуязвимой, повелительницей жизни и смерти. А ты... ты просто превратишься в пустую оболочку, лишённую всего, что делало тебя особенной. Но ты не умрёшь сразу. Ты будешь жить, чувствуя, как твоя суть утекает капля за каплей, пока я впитываю её. Это будет долго и мучительно.

Элинон сглотнула, чувствуя, как страх пронзает её. Она представила себя пустой, безжизненной, безвольной куклой, и внутри неё что-то восстало против этого.

— А если я умру? — спросила она. — Если я убью себя до того, как ты закончишь ритуал?

Моргана усмехнулась.

— Ты не сможешь этого сделать, пока он жив, — она указала на Валентина. — Связь истинных пар — это обоюдоострый меч. Если ты умрёшь, он умрёт следом. И наоборот. Так что пока его сердце бьётся, ты не можешь умереть. И пока ты жива, я не трону его. Но как только я получу твою силу... он мне станет не нужен. Я убью его собственными руками.

Элинон закрыла глаза, пытаясь найти выход. Её разум лихорадочно работал, перебирая варианты, ища слабые места. Она была прикована, он был ранен, Моргана была сильна как никогда. Но в ней заговорил голос отца, который он всегда повторял в моменты опасности: *«Когда враг думает, что выиграл, он становится невнимательным. Жди своего часа»*.

— А что, если я соглашусь? — сказала она, открывая глаза. — Что, если я сама отдам тебе свою силу? Ты отпустишь его?

Моргана удивлённо приподняла бровь.

— Ты готова пожертвовать собой ради вампира? Того, кто разрушил твою жизнь?

— Моя жизнь уже разрушена, — сказала Элинон с горечью. — Мой отец мёртв, мой дом сожжён, меня преследуют и хотят использовать. Если я умру, я хотя бы буду знать, что он выживет. Это будет моим выбором. Моим последним свободным выбором.

В голосе Морганы послышалось что-то похожее на уважение.

— Ты храбрая девочка, — сказала она. — Это восхищает. И это то, что мне нужно. Добровольная жертва всегда сильнее принудительной. Если ты отдашь свою силу по своей воле, ритуал будет совершенным.

Она протянула руку, и в её ладони возник пузырёк с тёмной жидкостью.

— Выпей это. Это ускорит процесс и уменьшит твои страдания. Я не хочу, чтобы ты мучилась — ты заслужила быстрый конец.

Элинон посмотрела на пузырёк. Она знала, что это, скорее всего, яд или снадобье, которое сделает её послушной. Но она смотрела на Валентина, на его израненное тело, на его безвольное лицо, и понимала, что готова принять любую смерть, лишь бы он выжил. Она не знала, когда успела так полюбить его — или хотя бы понять, что она не может потерять его. Связь сделала своё дело.

— Дай мне его, — сказала она, протягивая руку.

Моргана шагнула к ней, чтобы вложить пузырёк в её ладонь, но в этот момент цепь на запястье Элинора с глухим звоном лопнула. Элинора не думала, не планировала — она просто действовала. Её рука, свободная от оков, метнулась к горлу Морганы, и когти, выросшие в один миг, вонзились в её плоть. Колдунья закричала от боли и неожиданности, выронив пузырёк, и он разбился об пол, разбрызгивая тёмную жидкость.

— Ты! — прошипела Моргана, отшатываясь и прижимая руку к шее, откуда хлестала чёрная кровь. — Ты заплатишь за это!

Элинора, чувствуя, как в ней просыпается звериная сила, с хрустом разорвала вторую цепь. Она спрыгнула с алтаря, и её ноги коснулись каменного пола. Она бросилась к Валентину, вонзила свои когти в железные крюки, которые держали его, и с нечеловеческой силой вырвала их из стены. Он упал в её объятия, тяжёлый и безжизненный, и она почувствовала, как его кровь пропитывает её кожу.

— Просыпайся! — крикнула она, тряся его за плечи. — Валентин, очнись!

Его веки дрогнули, и он открыл глаза. В них был туман, но он узнал её.

— Элинора... — прошептал он. — Беги... я не могу...

— Ты можешь! — закричала она. — Вставай! Мы выбираемся отсюда вместе!

Моргана, оправившись от удара, подняла свой посох и начала произносить заклинание. Зелёный свет вспыхнул вокруг неё, и пол начал трястись.

— Вы никуда не уйдёте! — завопила она. — Я убью вас обоих!

Валентин, собрав последние силы, встал на ноги, пошатываясь. Он обнял Элинору за талию, и они побежали к выходу. Но Моргана выпустила в них поток зелёного огня, и они едва успели увернуться, упав на пол. Элинора почувствовала жар на своей спине, и её рубашка загорелась. Она перекатилась, затушив пламя, и увидела, как Моргана приближается, и её глаза горят бешенством.

— Ты не сбежишь! — заорала колдунья. — Я уже взяла твою кровь! Ритуал начался, и его нельзя остановить!

Элинора почувствовала, как по её телу пробегает странная дрожь — холодная, пронизывающая. Она поняла, что Моргана права: капля крови, взятая колдуньей, уже начала действовать. Она чувствовала, как сила утекает из неё, как её тело становится слабее, как жизнь покидает её клетку за клеткой.

Валентин увидел это. Он увидел, как она бледнеет, как её руки начинают дрожать, как в глазах появляется пелена. Он понял, что она умирает.

— Нет! — закричал он, бросаясь к ней. — Я не позволю!

Он схватил её за руку и прижал к своей груди. Его глаза вспыхнули алым светом, и он начал произносить слова на языке, которого она не знала. Её тело отозвалось на это — пульсирующая нить между ними стала ярче, горячее, и она почувствовала, как что-то тёплое и светлое вливается в неё, останавливая утечку силы.

— Что ты делаешь? — прошептала она.

— Я отдаю тебе часть своей жизни, — сказал он, и его голос был полон решимости. — Ты спасла меня дважды, теперь моя очередь.

— Но ты умрёшь! — крикнула она, пытаясь оттолкнуть его.

— Я бессмертный, — усмехнулся он. — Или почти бессмертный. Я могу позволить себе немного пожертвовать.

Моргана заревела от ярости. Она видела, как её ритуал разрушается, как сила возвращается к Элиноре, и это приводило её в бешенство. Она выпустила новый сгусток зелёного огня, но Валентин уже был готов. Он выставил перед собой руку, и из его ладони вырвалась волна тёмной энергии, которая столкнулась с огнём и рассеяла его.

— Беги! — крикнул он, и они, обнявшись, бросились к выходу, чувствуя, как за спиной рушится зал. Камни падали, поднимая клубы пыли, и они бежали из последних сил. Они выскочили в узкий коридор, который вёл вверх, и наконец, вырвались наружу, в ночной лес.

Элино́р упала на колени, хватая ртом воздух. Она смотрела на свои руки и видела, как свет в них возвращается, как сила снова наполняет её вены. Она посмотрела на Валентина, который стоял рядом, тяжело дыша, и её сердце сжалось от боли и благодарности.

— Ты спас меня, — прошептала она.

— Мы спасли друг друга, — ответил он, и его взгляд был тёплым, почти нежным.

В этот момент из подземелья донёсся грохот, и земля под ними содрогнулась. Моргана, обезумевшая от потери, вырвалась из руин и стояла на пороге пещеры, её глаза горели адским пламенем.

— Вы не сбежите! — закричала она. — Я найду вас, где бы вы ни были! Я убью вас обоих!

Элино́р поднялась, и её руки сжались в кулаки. Серебряный свет заструился по её телу, и она сделала шаг вперёд, закрывая собой Валентина.

— Попробуй, — сказала она, и голос её звучал силой, которой она никогда не знала. — Но знай: если ты тронешь его, я сожгу тебя дотла.

Моргана замерла, чувствуя мощь в голосе Элино́р, и на её лице промелькнула тень страха. Она отступила назад, в пещеру, и на мгновение зелёный свет погас.

— Это ещё не конец, — прошипела она, исчезая во тьме. — Мы ещё встретимся.

Тишина. Лес замер, и только ветер шелестел в листьях. Элино́р почувствовала, как силы покидают её, и она рухнула бы на землю, если бы Валентин не поймал её.

— Всё хорошо, — сказал он. — Мы в безопасности. Хотя бы на время.

Она прижалась к нему, чувствуя его холод, и позволила себе закрыть глаза. Внутри неё боролись два чувства: страх и надежда. Но она знала, что они выжили. И это было самым главным.

Но в глубине леса, в сердце ночи, Моргана шептала заклинание, которое должно было призвать нечто более тёмное, чем она сама. И это нечто уже просыпалось, почуяв запах древней крови.

Глава 5. Лес теней

Лес встретил их стеной чёрных стволов и цепких ветвей, которые хлестали по лицу, словно пытаясь удержать беглецов. Элино́р бежала, не чувствуя ног, её дыхание вырывалось из груди рваными, хриплыми рывками, а сердце билось где-то в горле, заглушая все звуки. Валенти́н держал её за руку, его пальцы были холодными, но сжимали её запястье с такой силой, что она почти чувствовала, как ломаются её кости. Он тащил её вперёд, не давая остановиться, и она подчинялась, потому что знала: если они замедлятся, тьма настигнет их.

За их спинами лес оживал. Он дышал, шептал, и каждый шорох казался шагом преследователя. Где-то в глубине завывал ветер, но это не был обычный ветер — в нём слышались голоса, нечеловеческие, тягучие, похожие на плач детей или стон раненых зверей. Элино́р чувствовала, как воздух становится плотным, липким, будто сам лес пытался сжать их в своих объятиях и не отпускать.

— Мы должны уйти дальше, — прохрипел Валентин, не оборачиваясь. Его голос был глухим, с металлическим привкусом, и она знала, что он на пределе. Он истекал кровью, и хотя вампирская регенерация медленно затягивала его раны, кровопотеря была слишком велика. Он двигался на одной лишь воле, и Элино́р чувствовала это через их связь — его боль пульсировала у неё в висках, заставляя сжимать челюсти до скрежета.

Они выбежали на небольшую поляну, где луна, наконец, прорвалась сквозь тучи, осветив землю призрачным серебряным светом. Элино́р споткнулась о корень и упала бы, если бы Валентин не подхватил её, прижав к себе. Они остановились, тяжело дыша, и она услышала его сердцебиение — редкое, глухое, но живое.

— Мы не можем бежать вечно, — сказала она, вырываясь из его объятий и оглядываясь. Лес позади них казался спокойным, но в его глубине клубился зеленоватый туман, который разрастался с каждым мгновением. — Что это? Она снова идёт за нами?

Валентин прищурился, и его глаза вспыхнули алым светом, пытаясь разглядеть сквозь туман.

— Нет, — сказал он медленно. — Это не Моргана. Это твари, которых она призвала. Они питаются магией, и они чувствуют твою силу, Элино́р. Они будут преследовать нас, пока ты не выжжешь их или пока мы не покинем этот лес.

— Выжечь? — переспросила она, чувствуя, как внутри закипает паника. — Я не умею выжигать!

— Ты умеешь, — сказал он, поворачиваясь к ней. — Ты сделала это в пещере с Морганой. Твоя сила — она внутри тебя. Ты должна научиться управлять ей, иначе мы оба погибнем.

Элино́р посмотрела на свои руки. В лунном свете они казались обычными, человеческими, но она помнила, как серебряный свет струился по её коже, как когти вонзались в плоть врага. Это было похоже на сон, но это было реально. Она чувствовала, как внутри неё пульсирует что-то тёплое, живое, как второй зверь, который спал, но был готов проснуться.

— Как? — спросила она, и голос её дрогнул. — Как мне это сделать?

Валентин подошёл к ней и положил свои холодные ладони на её плечи. Его глаза встретились с её глазами, и в них не было прежней насмешки — только серьёзность и что-то похожее на надежду.

— Закрой глаза, — сказал он тихо. — Сосредоточься на том, что внутри тебя. Почувствуй ту искру, которая проснулась, когда ты защищала меня. Она там. Она ждёт твоего приказа.

Она закрыла глаза. Внутри неё действительно было что-то — тёплый комочек света, который свернулся в груди, будто доверчивый зверёк. Она протянула к нему мысленный луч, и он отозвался, заструился по венам, наполняя её тело силой. Она почувствовала, как её пальцы

зачесались, как когти прорезались сквозь кожу, и когда она открыла глаза, её руки светились серебряным светом.

— Я чувствую это, — прошептала она, и в голосе её звучало удивление. — Это так... естественно.

— Теперь представь, что этот свет — это огонь, — продолжал Валентин. — Представь, как он вырывается из твоих рук и сжигает всё, что к нам приближается. Не бойся, он не причинит тебе вреда. Он твой.

Элинор подняла руки и направила их на туман, который уже начал выползать из леса, принимая очертания длинных, тощих фигур с горящими зелёными глазами. Она представила, как свет срывается с её пальцев, как он летит вперёд, и в этот момент серебряная волна вырвалась из её ладоней и ударила в туман. Твари завопили, разлетаясь в прах, и туман отступил, словно испуганный зверь.

Элинор опустила руки, чувствуя, как силы покидают её. Она пошатнулась, и Валентин снова поддержал её.

— Ты сделала это, — сказал он, и в его голосе звучало восхищение. — Ты гораздо сильнее, чем думаешь.

Она хотела ответить, но в этот момент земля под ними дрогнула. Из леса донёсся глухой рокот, и деревья начали крениться, словно кто-то огромный пробирался сквозь них. Тени сгустились, и из них выступила фигура — высокая, костлявая, с головой, похожей на череп оленя, увенчанной ветвистыми рогами. Её глаза горели зелёным огнём, как у Морганы, но в них не было разума — только голод.

— Леший, — прошептал Валентин, и его лицо побледнело. — Один из древних духов леса. Моргана призвала его, чтобы уничтожить нас.

Элинор отступила на шаг, чувствуя, как страх сковывает её тело. Леший был огромным, выше любых деревьев, его руки оканчивались длинными когтями, которые оставляли глубокие борозды в земле. Он поднял голову и издал низкий, вибрирующий звук, от которого листья опадали с ветвей.

— Что нам делать? — крикнула она, хватая Валентина за руку. — Я не могу сражаться с ним!

— Ты должна попытаться, — ответил он, и его голос был твёрдым, хотя в нём звучало отчаяние. — Я не могу помочь тебе — я слишком слаб. Но ты можешь остановить его. Используй свою силу, Элинор.

Она снова закрыла глаза, пытаясь вызвать свет. Но внутри неё было пусто — она исчерпала свои силы в борьбе с тварями. Её тело дрожало от истощения, и серебряная искра в груди почти погасла.

— Я не могу, — прошептала она, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — У меня ничего не осталось.

Леший шагнул вперёд, и земля под его ногами пошла трещинами. Он протянул руку к Элинор, и она почувствовала, как ледяной холод окутывает её, лишая сил. Она не могла пошевелиться — он парализовал её одной лишь волей.

Валентин бросился вперёд, пытаясь остановить Лешего, но тот лишь отшвырнул его одним движением. Тело вампира врезалось в дерево и рухнуло на землю, и он остался лежать без движения.

— Нет! — закричала Элинор. — Не трогай его!

Леший наклонился над ней, и его дыхание было холодным, как зимний ветер. Он схватил её за плечи своими костлявыми руками и поднял в воздух. Она висела, беспомощная, и смотрела в его пустые глазницы, чувствуя, как его магия высасывает из неё остатки жизни.

В этот момент внутри неё что-то сломалось. Не от страха — от ярости. Она вспомнила лицо отца, его кровь на снегу, вспомнила горящий замок, крики детей, плач служанок. Вспом-

нила, как Моргана смеялась над ней, как она мучила Валентина. Вся боль, все потери, все унижения выплеснулись в один ослепительный миг, и её тело вспыхнуло серебряным огнём, таким ярким, что ночь стала днём.

Леший завопил, отпуская её, и отшатнулся. Серебряный свет обжигал его, и он попытался закрыться руками, но Элино́р уже была в движении. Она не думала, она действовала инстинктивно — она бросилась на него, вонзая свои светящиеся когти в его грудь. Он рухнул на колени, издавая предсмертный хрип, и рассыпался на куски, которые растворились в воздухе, оставив только запах горелой древесины.

Элино́р упала на колени, чувствуя, как силы окончательно покидают её. Она лежала на мокрой траве, глядя на пробивающиеся сквозь ветви звёзды, и пыталась отдышаться. Валентин пришёл в себя, поднялся и подошёл к ней, опускаясь рядом.

— Ты спасла нас, — сказал он, и в его голосе слышалось уважение. — Ты невероятна.

Элино́р повернула к нему голову и увидела, что его глаза горят алым, и в них нет прежней холодности. Там была благодарность, тепло, и что-то ещё — что-то, что она не хотела признавать.

— Я не могу больше бежать, — прошептала она. — Я хочу просто лежать здесь и закрыть глаза.

— Нет, — сказал он, помогая ей подняться. — Нам нужно найти убежище. Этот лес небезопасен, и Моргана не успокоится, пока не поймает нас. Я чувствую, что она где-то рядом.

Они двинулись дальше, уже медленнее, поддерживая друг друга. Лес постепенно редел, и вскоре они вышли к небольшой реке, вода которой мерцала в лунном свете. На другом берегу виднелось строение — старая каменная башня, полуразрушенная, но ещё стоящая.

— Там, — сказал Валентин, указывая на башню. — Это древний пост, который принадлежал моему роду. Моргана не сможет пройти внутрь, если я настрою защиту.

Они перешли реку по камням и добрались до башни. Внутри было темно и сыро, пахло плесенью и пылью, но в углу нашёлся сухой хворост и очаг. Элино́р развела огонь, и пламя осветило каменные стены, покрытые древними рунами.

Валентин прислонился к стене и закрыл глаза. Он выглядел измождённым, и Элино́р поняла, что он на грани потери сознания. Она подошла к нему и осторожно коснулась его руки.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала она. — Я постерегу.

Он открыл глаза и посмотрел на неё. Его взгляд был усталым, но в нём мелькнула улыбка.

— Ты постережёшь меня? — спросил он с лёгкой иронией. — Что изменилось? Ещё вчера ты хотела убить меня.

— Многое изменилось, — ответила она тихо. — Я узнала правду. Ты не убивал моего отца. Ты защищал меня в пещере. Ты отдал мне часть своей жизни, когда я умирала. Ты не монстр, Валентин. Ты — просто мужчина, который попал в ловушку своей собственной судьбы.

Он ничего не ответил, но его рука накрыла её ладонь, и она почувствовала, как холод его пальцев согревается её теплом. Они сидели в тишине, глядя на огонь, и между ними росло что-то новое — что-то, что не имело названия.

Внезапно Элино́р почувствовала знакомый холодный укол в груди. Она подняла голову и увидела, что руны на стенах начали мерцать зелёным светом. Она вскочила на ноги.

— Она нашла нас, — прошептала она. — Моргана здесь.

Валентин тоже встал, его глаза вспыхнули алым.

— Она не может войти, пока защита активна, — сказал он. — Но она может попытаться разрушить её. Нам нужно подготовиться.

Из темноты снаружи донёсся голос Морганы — низкий, вибрирующий, полный ненависти.

— Вы не спрячетесь от меня! — закричала она. — Башня не устоит перед моей силой! Я сожгу её до основания, и вы сгорите вместе с ней!

Элинор почувствовала, как стены начинают дрожать, и с потолка посыпалась каменная крошка.

— Что нам делать? — спросила она, поворачиваясь к Валентину. — Мы не можем сражаться с ней здесь.

— Мы можем, — ответил он, и в его голосе была решимость. — Я могу усилить защиту, но мне нужна твоя кровь. Всего несколько капель. Это даст мне достаточно силы, чтобы отразить её атаку.

Элинор не колебалась. Она протянула руку, и Валентин, взяв её, осторожно проколол её палец своим когтём. Тонкая струйка крови потекла вниз, и он коснулся ею рун на стенах. Руны вспыхнули ярким серебряным светом, и дрожь прекратилась.

— Она не сможет пробить эту защиту, — сказал он, вытирая её палец. — Мы в безопасности, по крайней мере, до рассвета.

Элинор опустилась на пол, чувствуя, как усталость наваливается на неё с новой силой. Она легла на каменный пол, положив голову на сложенные руки, и закрыла глаза.

Валентин сел рядом, его тень накрыла её, и она почувствовала, как его холодная рука легла на её плечо.

— Спи, — сказал он тихо. — Я постерегу.

Она хотела возразить, но слова застряли в горле, и она провалилась в сон, который был глубоким и без сновидений.

Она проснулась от того, что солнце светило ей в лицо. Она приподнялась, оглядываясь. Валентин сидел у очага, подбрасывая в огонь сухие ветки. Его лицо было всё ещё бледным, но раны затянулись, и он выглядел сильнее.

— Доброе утро, — сказал он, оборачиваясь к ней. — Ты спала почти двенадцать часов. Элинор села, чувствуя, как голова кружится от слабости.

— Моргана? — спросила она.

— Ушла, — ответил он. — По крайней мере, на время. Она не сможет повторить атаку, пока не восстановит силы. У нас есть день, возможно, два.

— Что мы будем делать? — спросила она, вставая.

— Мы пойдём в мой замок, — сказал он. — Там есть древняя библиотека, где я храню свитки, которые могут помочь снять проклятие. Возможно, я найду способ разорвать связь без твоей смерти.

Элинор посмотрела на него, и в её груди сжалось сердце.

— Ты хочешь разорвать нашу связь? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Валентин подошёл к ней, и его глаза встретились с её глазами.

— Я хочу, чтобы ты была свободна, — сказал он. — Ты заслужила свободу, Элинор. Ты не должна быть прикована к чудовищу, которое принесло тебе столько боли.

Она чувствовала его холодное дыхание на своём лице, и внутри неё всё перевернулось. Она хотела сказать что-то, но вместо этого она сделала шаг вперёд и прижалась к нему. Он не отстранился. Его руки обвили её, и она почувствовала, как его подбородок коснулся её макушки.

— Я не хочу разрывать связь, — прошептала она. — Я хочу быть с тобой.

Валентин замер. Он смотрел на неё сверху, и в его глазах было столько эмоций, что она не могла прочитать их.

— Ты уверена? — спросил он, и голос его был хриплым. — Ты знаешь, что это будет означать? Мы всегда будем связаны. Ты никогда не сможешь уйти от меня, и я никогда не смогу отпустить тебя.

— Я знаю, — ответила она, поднимая на него глаза. — И я не хочу уходить.

Он притянул её ближе, и их губы встретились. Поцелуй был холодным, но в нём было столько тепла, что Элинор показалось, будто она сгорает заживо. Она вцепилась в его плечи, чувствуя, как мир вокруг исчезает, и остаются только они двое.

Когда они оторвались друг от друга, их лица были близко, и он прошептал:

— Я люблю тебя, Элинор. Я не знал этого, пока ты не показала мне, что такое настоящая сила и настоящее сердце. Ты изменила меня.

Она хотела ответить, но в этот момент земля под ними снова дрогнула. Издалека донёсся грохот, похожий на раскаты грома, и небо над ними начало темнеть, хотя только что было ясным.

— Это не Моргана, — сказал Валентин, и его лицо побледнело. — Это что-то другое. Что-то более древнее.

Из тени, которая сгустилась у входа в башню, выступила фигура — высокая, величественная, в чёрных доспехах, с глазами, горящими как два солнца. От неё исходила сила, от которой воздух звенел, и капли воды на листьях замерзали, превращаясь в лёд.

— Кто ты? — крикнула Элинор, прикрывая глаза от яркого света.

Фигура сняла шлем, и она увидела лицо женщины — красивое, но холодное, как ледяная статуя. Она улыбнулась, и её улыбка была смертоносной.

— Я — Ариадна, — сказала она, и голос её звенел, как хрусталь. — Хранительница древних законов. Я пришла за вами, потому что вы нарушили главный запрет. Истинная пара не имеет права соединяться, если один из них проклят. Ваш союз принесёт гибель вашему миру.

Элинор шагнула вперёд, закрывая Валентина.

— Мы не сделали ничего плохого! — закричала она. — Мы просто любим друг друга!

— Любовь не оправдывает нарушение закона, — ответила Ариадна, и её глаза вспыхнули. — Вы должны заплатить за это.

Она подняла руку, и из её ладони вырвался поток света, ударивший в Элинор. Она отлетела назад, но Валентин поймал её, и вместе они встали, готовые к битве.

— Я не позволю тебе причинить ей вред! — прорычал Валентин, и его клыки удлинились, глаза загорелись алым.

Ариадна улыбнулась.

— Это не мне решать, — сказала она. — Это решат боги.

Она исчезла, и на её месте осталась лишь воронка чёрного дыма, которая начала затягивать их внутрь.

Глава 6. Суд древних

Воронка чёрного дыма рванула их с места с такой силой, что Элинор на миг потеряла ощущение собственного тела. Её руки, сжимавшие плечи Валентина, превратились в бесплотные тени, а крик, вырвавшийся из горла, растворился в оглушительном гуле, который заполнил все пространство. Мир перевернулся, разорвался на тысячи осколков, и каждый из них сверкал перед глазами, как звёзды в безумном хороводе. Она чувствовала, как её внутренности сжимаются, как воздух вырывается из лёгких, и единственное, что удерживало её в реальности, — это холодные пальцы Валентина, вцепившиеся в её запястье с мёртвой хваткой. Он был её якорем, её точкой опоры в этом хаосе, и она цеплялась за него, как утопающий за соломинку.

А потом всё кончилось.

Она рухнула на что-то твёрдое и гладкое, и удар выбил из неё последний воздух. Она лежала, пытаясь вдохнуть, и перед глазами плыли разноцветные круги. Чьи-то руки подхватили её, и она услышала голос Валентина, глухой, словно доносился из-под воды:

— Элинор! Очнись!

Она закашлялась, и боль в груди отозвалась режью в рёбрах, но она, наконец, смогла сделать вдох. Открыв глаза, она увидела его лицо — бледное, напряжённое, с тенью страха в алых глазах. Он склонился над ней, и его пальцы мягко касались её щеки.

— Я в порядке, — прошептала она, хотя голос звучал хрипло и слабо. — Просто... где мы?

Она приподнялась, опираясь на его руку, и огляделась.

Они находились в огромном зале, который казался бесконечным. Пол был сделан из полированного чёрного камня, в котором отражались мерцающие огни, но их источник невозможно было определить. Стены уходили вверх, теряясь в туманной дымке, и на них не было ни окон, ни дверей — только бесконечные ряды колонн, покрытых письменами, которые пульсировали золотым светом, словно живые. Воздух был неподвижным, холодным и прозрачным, как горный хрусталь, и в нём витал запах озона и древней пыли.

В центре зала возвышался круглый каменный алтарь, окружённый тринадцатью креслами, вырезанными из цельного обсидиана. В них сидели существа, которые не были людьми — их тела светились тусклым светом, их лица были прекрасны и пугающе бесстрастны, а глаза горели разными оттенками: золотом, серебром, лазурью. Они смотрели на Элинор и Валентина, и в их взглядах не было ни ненависти, ни сострадания — только холодное, вечное любопытство.

У алтаря стояла Ариадна, всё ещё в своих чёрных доспехах, но теперь без шлема, и её длинные серебряные волосы струились по плечам, как расплавленный металл. Она держала в руках золотой жезл, и её глаза были устремлены на беглецов.

— Вы пришли, — сказала она, и голос её звенел в тишине. — Это хорошо. Суд древних готов принять вас.

Элинор встала, чувствуя, как ноги дрожат. Она сжала руку Валентина, ища поддержку, и он ответил на её пожатие, хотя его собственное лицо было напряжённым.

— Что это за суд? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем она себя чувствовала. — Мы не просили об этом.

— Вы нарушили закон, — ответила Ариадна, поднимая жезл. — Закон, установленный в начале времён. Истинная пара не имеет права соединяться, пока один из них носит проклятие. Ваша связь питается запретной магией, и это грозит катастрофой для всех миров. Боги должны решить, достойны ли вы жизни или же ваше существование должно быть прервано.

Элинор почувствовала, как внутри неё закипает гнев. Она шагнула вперёд, отпуская руку Валентина, и её голос звонко разнёсся по залу:

— Как вы смеете судить нас? Мы не просили эту связь! Это проклятие, которое мы не выбирали! Мы пытались разорвать его, но оно сильнее нас. Почему вы не судите Моргану, которая создала это проклятие, которая убила моего отца, которая хочет украсть мою силу? Почему вы преследуете нас, а не её?

В зале повисла тишина, и одно из существ на троне — мужчина с золотыми глазами и кожей, отливающей бронзой, — подал голос:

— Она уже предстала перед нами, дитя. Она обвиняет вас в том, что вы пытаетесь использовать запретную связь, чтобы усилить свою магию. Мы выслушали обе стороны. Теперь настал черёд вашего слова.

Элино́р обернулась и увидела, как из тени за колоннами выступила Моргана. Колдунья выглядела измождённой — её плащ был порван, лицо покрыто копотью, и её зелёные глаза горели лихорадочным огнём. Но в её взгляде была победа.

— Они лгут, о великие, — произнесла Моргана, и голос её звучал сладко, как яд. — Эта полукровка и её вампирский любовник замыслили подчинить себе все миры. Она уже пробудила древнюю кровь, и он питается ею, чтобы усилить свою тёмную сущность. Они — угроза всему сущему. Я пришла к вам, чтобы защитить порядок.

Элино́р шагнула к ней, сжимая кулаки.

— Ты лжёшь! — выкрикнула она. — Ты сама создала проклятие, ты похитила меня, ты хотела выпить мою душу! Ты — угроза, а не мы!

Ариадна подняла жезл, и свет вспыхнул между ними, отбрасывая их друг от друга.

— Хватит, — сказала она. — Суд не терпит шума. Здесь говорят только правду, и правда будет явлена через испытание.

Она повернулась к тринадцати сидящим и склонила голову.

— О великие, я прошу разрешения на проведение Испытания Истинности. Оно покажет, чиста ли их связь или она осквернена тёмными намерениями.

Существа на тронах зашевелились, обмениваясь взглядами. Наконец бронзоволицый мужчина кивнул:

— Дозволено. Проведи их через Огни Правды.

Ариадна повернулась к Элино́р и Валентину. В её глазах не было ни злобы, ни сострадания — только исполнение долга.

— Вы должны пройти через коридор Огней, — сказала она. — Он покажет истинные чувства ваших сердец. Если ваша любовь чиста, вы пройдёте невредимыми. Если в ней есть тень зла, вы сгорите дотла. Вы готовы?

Элино́р посмотрела на Валентина. Он стоял рядом, и его лицо было спокойным, хотя в глазах мелькнула тревога. Он взял её руку и прижал к своей груди.

— Мы готовы, — сказал он, и его голос был твёрже камня.

Ариадна взмахнула жезлом, и в центре зала возникла арка, окутанная пылающим пламенем. Огонь был серебряно-белым, ослепительным, и от него исходил жар, который опалил кожу даже на расстоянии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.